

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ: РИТУАЛЬНОСТЬ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Игорь Янков

Сколько себя помню, в России постоянно актуален юбилей Великой Отечественной войны. Заканчиваются праздничные торжества, посвященные победе, и тут же начинаются мемориальные мероприятия, посвященные событиям 1941 года: парады, возложения венков, публикации воспоминаний, торжественные встречи с ветеранами и концерты. Все это становится своеобразным ритуалом, напоминая всем: «Война постоянно с нами!» Она присутствует в общественном дискурсе и в официальных мероприятиях: нельзя забывать, что Война всегда с нами.

Официальная война

По отношению к войне можно различить официальную политику и непосредственное социальное переживание опыта войны. Они не разделены непроходимой стеной, часто не совпадают, но взаимно пересекаются в некоторых сегментах социального поля. На уровне официальной политики День Победы стал официальным праздником лишь в брежневские времена (с 1965 года), став одним из краеугольных камней поздней

советской идеологии и социально-го порядка. В это время начинает активно конструироваться различными дискурсивными и организационными средствами «правильная память о войне», формируется особый социальный слой ветеранов войны (ветеранское движение и советы ветеранов, регулярные встречи с пионерами и комсомольцами). Тема победы в Великой Отечественной войне являлась одной из форм легитимации Советского Союза и сложившихся в нем социальных отношений и структур. На уровне визуальных и ритуальных механизмов это поле создавалось и поддерживалось посредством ритуальных практик: военных парадов, массовых ветеранских шествий, школьных «вечеров памяти», посещения ветеранов. Затем эту модель перенимает постсоветская Россия, в которой Война и Победа становятся одними из немногих общепризнанных цементирующих социум событий, у которых, к сожалению, в последнее время преобладают пропагандистские значения.

Такая актуальность военного дискурса в современности, факт постоянного присутствия войны «с нами» означает, что она не закон-

чилась, что она опять нужна настоящему. В строгом смысле мы как социум не перешли к мирной жизни, война держит нас своей мертвой хваткой. Естественно возникает вопрос, а собственно кто такие эти «Мы»? Видимо, «Мы» — это и есть некий результат войны. Тот социальный конструкт, который возникает, оформляется через соотнесение с событиями войны, та социальная общность, чье тело несет в себе складки войны. В отличие от других стран-участниц Второй мировой войны, в России степень вовлеченности в войну остается самой сильной, самой напряженной и самой болезненной. Война — это и основание для гордости, но одновременно и боль, и неизвестность. Это актуальное прошлое, прошлое, которое не ушло и которое составляет нерв современной жизни.

Война как травматический опыт

Война — это травма, оставшаяся в нашем социальном теле, а последующие разыгрывания темы войны в течение нескольких десятилетий — это форма жизни с травмой. С одной стороны, мы видим постоянные поиски форм изживания травм, их преодоления, излечения, с другой — извечный мотив воспроизведения травматического опыта и воспроизведение социума, травмированного войной. Основные последствия этой травмы отражаются в различных формах коммуникации и практиках создания идентичностей. Травма порождает соответствующие *типы дискурса, ритуалы и общности* совместной утраты и памяти (см.: Травма: пункты: сб. статей / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009).

На уровне дискурса травма характеризуется невозможностью высказаться, описать и интегрировать потерю. Это проявляется через молчание или несвязную речь тех, кто больше всего мог бы рассказать о войне, через фрагментарность выражения всех граней страшного опыта. Неслучайно в литерату-

ре «правда о войне», отражающая реальный военный опыт, начинает появляться в «лейтенантской прозе» только спустя несколько десятилетий после ее окончания. Эти произведения выхватывают отдельные фрагменты войны, оставляя ее как таковую неким гигантским и темным целым, глыбой, нависающей над опытом. Однако травма видится нам не только как невозможность говорить. Она связана и со специфической речевой активностью, которая порождает повторяющиеся рассказы, сюжеты, описания, т.е. своеобразные энергетически нагруженные фетишистские нарративы. Потребность повтора неотрефлексированного травматического опыта замещается набором переходных речевых артефактов. Такие рассказы не столько формируют пространство для снятия тревоги, сколько создают иллюзию отсутствия причин для нее. Работа над травмой заменяется многочисленными повторяю-

щимися рассказами по поводу травматического опыта. Тот огромный поток официальных и полуофициальных историй о войне, многочисленные фильмы и мероприятия, посвященные ей, являются именно фетишистскими нарративами, отвлекающими от проблематичности травматического опыта.

Показательно, как сами участники войны, рассказывая о пережитом опыте, переходят в своих воспоминаниях на язык официальной пропаганды. В середине 1980-х годов я проходил службу в закрытом городе Красноярск-26. На 23 февраля к нам в часть был приглашен ветеран войны, который оказался одним из знаменитых 28 героев-панфиловцев. По официальной версии все они — герои разезда Дубосеково — погибли. Рассказ ветерана о войне был несвязным набором фраз, но в центре рассказа оказалась чеканная газетная фраза политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!» Весь

военный опыт ветерана был трансформирован в набор официальных клише, лишь метонимически¹ связанных друг с другом. Уже после службы я видел этого ветерана по телевизору в фильме, повествующем об отличиях официальной версии сражения от реальной истории. В фильме о тяжелой лагерной судьбе выживших панфиловцев он ничего не говорил, а только присутствовал как еще один живой свидетель. Метонимическая связность многочисленных рассказов о войне или их пригласенность под ожидания публики выдают глубинную неоднозначность выраженного опыта...

Мы и другие

Война как травма задает горизонт идентичности для советского человека. Вокруг травмы формируются сообщества утраты, те самые «Мы», создающие свою идентичность вокруг базовых событий: ритуалов, побед

Победа 1945. П. Кривоногов, 1949 г.

¹ Метонимия (от др.-греч. *μετωνομία* — «переименование», от *μετά* — «над» и *ὄνομα/ὄνομα* — «имя») — прием, при котором одно слово замещается другим, обозначающим предмет, находящийся в той или иной связи с предметом, который обозначается замещаемым словом.

Встреча. 1945 г.

и утрат. Мифология конструирует «Мы» как некое первоначальное целое, наполняет опыт сакральным содержанием. В данном поле символы, нарративы и ритуалы являются не условными значками, а эмоционально, энергетически нагруженными объектами, создающими личностную вовлеченность участников. Переживания победы и утраты выстраиваются и упорядочиваются в процессе конструирования идентичности — как материал для мифологии, символизации и нарративизации — через соотношение с Другим, с символическим порядком, с внешним объектом. «Отчужденный и изолированный «цельный» образ Другого, иными словами, есть проекция и напоминание о собственной фрагментарности. Сплачивая нацию, образ Другого в то же время обнажает ее внутреннюю пустоту. [...] Принципиальной является консолидирующая роль той самой утраты, из-за которой воображаемое наслаждение оказывается постоянно отложенным. Единение становится способом если не защиты от чувства лишенности, то, по край-

ней мере, способом ее коллективной меморизации. Сообщества, таким образом, оказываются сообществами утраты, и преодоление связующей травмы в данном случае равносильно распаду сообщества. Верно и обратное: поиск связующей травмы, активация исторических трагедий, воспроизводство чувства потери становятся востребованными при формировании сопричастности и коллективности». (Травма: пункты. С. 25).

Если проинтерпретировать эти положения, то Войну можно рассматривать как травматическое событие, формирующее советское и постсоветское социальное тело. Вариантом образа Другого, с которым связан символический порядок, задающий ситуацию фундаментальной (по Жаку Лакану) *нехватки*, является состояние побежденного противника через несколько десятилетий после войны. Это конструирование себя происходит, во-первых, через соотнесение собственного образа с довоенным состоянием, через оправдание негативных особенностей войны. Примером могут служить постоянно повторяю-

щиеся высказывания: «Если бы войны не было, мы могли бы так жить, так жить! Но величайшие жертвы не дали нам развиваться». Это прием оправдания современного состояния через военную *жертву*. Во-вторых, соотнесение с жизнью бывших союзников и побежденных противников. В этом случае конструирование «Нас» идет через постоянное негативное сравнение с образом жизни у «Них». «Страна-победитель», «народ-победитель», а живет как?! «Мы у них выиграли, а как живем?! Настоячивое повторение самоназвания «страна-победитель», «народ-победитель», с одной стороны, отмечает законное основание для гордости, но с другой — фиксирует эту повторяющуюся нехватку, недостроенность и зависимость от Другого.

Негативность и жертва сплачивают и связывают. Но создаваемые таким образом «Мы» нуждаются в повторении, а не в преодолении травматической ситуации. Возникает заикленность на прошлом. В итоге повторяющиеся сюжеты не просто заполняют пространство

социальной жизни, а ставят социум в ситуацию присутствия прошлого в «нас». Война во всей своей сложности и неоднозначности остается актуальной, остается прошлым настоящего, не расщепленным, не адаптированным, не осмысленным, не пережитым и прожитым. Процессы переинтерпретации войны, которые происходят в постсоветских странах, когда местные политические силы стремятся выйти из дискурса о Великой Отечественной и совместной борьбе с фашизмом, особенно болезненно отражаются в отечественном сознании, потому что они противопоставляются совместному травматическому опыту и таким образом ставят под сомнение сам этот опыт.

Очень болезненным и с трудом проговариваемым остается вопрос о сложности самого военного и послевоенного «Мы». В этом едином образе переплетены и жертвы, и герои, и сосланные, и безвинно осужденные, и те, кто не мог отождествлять себя со сталинизмом, и те, кто безоглядно сливался и сливается с ним. Дискурс и соответствующие нарративы, которые не сваливали бы всю эту сложность в одно нерасчлененное целое, а позволяли бы каждому фрагменту реальности «отлепиться» от целого, но не противостоять ему, а соучаствовать, еще предстоит разрабатывать. Еще предстоит работа по обновлению подвижного разнокачественного «Мы — участники войны», по формированию образа прошлого как ушедшей и отыгранной травмы.

Ритуалы Победы

Важнейшую роль в процессах взаимодействия с прошлым опытом и конституирования идентичности играют различные ритуальные практики. Есть ритуалы, поддерживающие сложившуюся травматическую структуру, воспроизводящие ее посредством простого копирования травматической ситуации и повторения соответствующих нарративов. Различные формальные мемориальные ритуалы и сопутствующие им

речи способствуют простому циклическому воспроизводству знаков. Они могут поддерживать существующий порядок, могут выполнять различные идеологические функции и демонстрировать уважение к самому факту победы, ветеранам, героическому прошлому. Точкой отсчета для таких ритуалов является Парад победы 45-го, но если тогда парад обозначал окончание войны, то в современных его повсеместных дубликатах, стремящихся именно воспроизвести ту победу в современных условиях, читается способ фиксации истории, фиксации прошлого, причем в наиболее мифологизированной форме. Наиболее показательны недавние предложения по поводу возможного участия в параде войск стран-участниц антигитлеровской коалиции. Традиционный нарратив Великой Отечественной плохо соотносится с реалиями Второй мировой...

Но ритуал — это совсем не обязательно воспроизводство прошлого и его фиксация. Ритуал — это более сложное и гибкое явление. Отличие ритуала в строгом антропологическом смысле от других форм стереотипного повторяющегося действия в том, что это способ *качественного перехода*. Это взаимодействие между

такими качественными состояниями, которые не могут осуществляться в повседневной логике и в бытовой коммуникации. Они ориентированы на преодоление разрывов, которые невозможно купировать другими средствами. Например, разрыв повседневности при переходе от старого года к новому, от состояния детства к взрослости и от девичества к замужеству и, наконец, от войны к миру или от траура к будням. Если этот разрыв не проиграть ритуально, то различные сегменты разнокачественных миров оказываются переплетенными и приводят к тому, что в психологии называется наложением незавершенных гештальтов¹, и тогда реальность не поддается структурированию и полноценному проживанию.

Для России актуальны ритуалы и дискурсы, связанные с преодолением войны, с отыгрыванием боли и травмы, с перемещением ее из актуального прошлого в прошедшее прошлое — ритуалы прощания, ритуалы прощения, ритуалы примирения. В этом смысле одной из самых адекватных ритуальных форм, связанных с непроговоренностью травмы, является минута молчания.

á

В ожидании парада...

¹ От нем. Gestalt — форма, фигура, образ.